

что и в этой критической работе я буду исходить из твердого убеждения в необходимости ликвидировать «четвертый» период нашей партийной истории, забросив в кучу старого хлама «перегнутую палку» Ленина.

Письмо к рабочим

Письмо третье

Товарищи-бланкисты!

Вы утверждаете, — вернее, вы верите тем, которые утверждают, — что я теперь уже «не тот»; что прежде я был решительным врагом оппортунизма, а теперь я не менее решительно склоняюсь к нему и т. п. Но вы ошибаетесь.

Когда человек сидит в поезде, который трогается с места и рядом с которым стоит другой поезд, остающийся неподвижным, то ему кажется, что пришел в движение этот второй поезд, а его поезд продолжает стоять. Вы испытываете ту же самую иллюзию. Со времени второго съезда вы пережили огромное превращение; вы покинули точку зрения марксизма и ударились в бланкизм, а я, — тоже ведь бывший «большевик», — остался на точке зрения Маркса. Вам же кажется, что вы продолжаете быть марксистами, а я ударился в оппортунизм. Вы хотите доказательств? Вот пока некоторые из них.

Вам не понравилось замечание, сделанное мной по адресу «Колокола»¹. В этом замечании вы увидели доказательство моего оппортунизма. Но в чем же заключается моя оппортунистическая ересь? Что я сказал «Колоколу»?

Я сказал, что вопрос о нашей тактике не может быть решен простой ссылкой на враждебную противоположность интересов буржуазии интересам пролетариата. Но это совершенно то же самое, что говорил я пять лет тому назад, т. е. в то время, когда все вы расхохотались бы в лицо всякому, кто заподозрил бы меня в оппортунизме. Вот смотрите.

«Россия далеко не так богата и далеко не так образованна, как западноевропейские страны. Но и в ней общественное развитие

не прошло бесследно для социализма, и в ней XIX век завещает XX-му драгоценное наследство: *зародыш социал-демократической рабочей партии*. Историческая обстановка несомненно благоприятна для быстрого развития этого зародыша. Если справедливо то, что одна страна может и должна учиться у других, ее опередивших, то социалистическая Россия может и должна многому научиться у западноевропейских социалистов. Самый главный и ничем не заменимый урок, даваемый нам всей историей западноевропейского социализма, заключается в том, что в каждой данной стране ближайшие задачи и тактика рабочей партии определяются действительными общественными отношениями этой страны. Забывать об этих отношениях, руководствуясь общими положениями социализма, значит покинуть почву действительности».

Это писал я в № 2 «Искры»², — как видите «старой», очень «старой Искры», — в передовой статье: «На пороге XX века». В то время эти мои соображения одобряла вся редакция «Искры»; тогда вся эта редакция находила их вполне верными духу марксизма. Теперь Ленин, бывший член этой редакции, считает их оппортунистическими. Кто же изменился? Чей поезд сдвинулся с места?

Вы скажете, — вернее, за вас скажут те, которые у вас делают «общественное мнение», — что теперь не та ситуация. Вы очень любите ссылаться на перемену «ситуации». Вообще говоря, в этом совсем нет беды. Подобная ссылка даже очень хороша, когда она делается кстати. Но беда в том, что вы чаще всего делаете ее именно некстати, т. е. когда вам нечего сказать. Чтобы избавить вас от лишнего промаха в этом смысле, я наперед замечу вам, что статья «На пороге XX века» излагала не взгляд редакции на «ситуацию» того времени, когда она была напечатана, а общий взгляд этой коллегии на то, как следует, — а лучше сказать, как не следует, — подходить к решению наших тактических вопросов. Ясно, что этот общий отрицательный взгляд применим решительно ко всякой нашей «ситуации». Ясно также, что если он удивляет вас теперь, то это происходит потому, что поезд, в котором вы сидите, незаметно для вас покидает станцию «Марксизм».

А вот что писал я в том же 1901 г. во 2–3 книжке «Зари»³:

«Поддержка со стороны *общества* ускорит рост и приблизит торжество революционной силы народа. Это неоспоримая истина. Понять эту неоспоримую истину безусловно необходимо всем

не беззаботным насчет политики детям русской земли, потому что теперь, когда пролог разыгран и началось первое действие великой драмы, друзья свободы должны быть мудры, как змии: каждая ошибка замедлит их победоносное шествие вперед; за каждое недомыслие им придется заплатить неудачами. Наши революционеры могли пренебрегать «обществом» до тех пор, пока «политика» представлялась им делом, не достойным истинного социалиста. Но как только политическая борьба заняла место в их программе, сейчас же явилось у них сознание того, как важно им обеспечить себе сочувствие общества».

Статья, из которой я беру эти строки («Что же дальше?»), встречена была редакцией «Зари» и «Искры» с большим, можно даже сказать с чрезвычайным, одобрением. По совету редакции она была перепечатана одним из наших провинциальных комитетов. Тогда мысли, высказанные мною, казались «ортодоксальными». Теперь, когда я повторяю и развиваю их, указывая на то, что нам нужно в интересах победы изолировать реакцию, меня обвиняют в оппортунизме. Еще раз: кто же изменился? Кто остался на станции: «Марксизм»? И кто ее покинул?

И опять скажу вам, товарищи-бланкисты, не попадайте впросак, не кричите: «Теперь не та ситуация!» Эта моя статья тоже имела в виду не «ситуацию» 1901 года. Она указывала на то, как следует вести себя в будущем, во время той великой драмы, начало которой я тогда отметил и которая совершается теперь перед нами. Моя статья наперед *учитывала*, — любимое ваше словечко! — именно нынешнюю нашу «ситуацию».

В той же статье я писал: «Кто не содействует тем или другим способом росту силы, способной положить конец существующему у нас порядку вещей, тот ровно ничего не делает для освобождения своей родины. А кто по той или другой причине, хотя бы, например, по причине неумения или нетерпения, препятствует росту этой силы, тот совершает тяжкий, хотя, может быть, и невольный грех против свободы».

Эти строки были напечатаны в моей статье курсивом: такой важной казалась мне мысль, выраженная в них. Но о чем же неумении и нетерпении говорил я тогда? О неумении и нетерпении людей, склонных к преждевременным «активным выступлениям». В то время редакция — «старая» редакция! — одобряла эти мои строки, как и всю мою статью. А теперь! В какое пылкое

негодование приводит Ленина мое активное выступление против преждевременных «активных выступлений». Поистине можно сказать: «Tempora mutantur et nos mutamur in illis!» (Времена меняются, и мы меняемся с ними!)

Повторяю, товарищи, вы пережили огромное превращение, и чем больше это превращение, тем более возмущаетесь вы тем, что я остался верен вашему прежнему образу мыслей.

Удивительное дело! Когда только еще подготавливались переживаемая теперь нами историческая драма, вы старались стать марксистами. И хотя это вам удавалось далеко не в полной мере, но вы все-таки чуждались наших старых революционных предрассудков. А теперь, когда история уже разыгрывает свою великую драму и когда вам самим приходится играть ту роль, которая вам в ней отведена, вы целиком усвоили некоторые из этих предрассудков, вы оказались бланкистами. Зачем же было огород городить? Зачем было капусту садить? Зачем было огорчать субъективистов? Лучше было бы вам с самого начала стать под знамя бланкизма.

Вы любите «активные выступления». Маркс тоже любил их. Но есть выступления и выступления. Кроме того, справедливо сказано, что «когда двое говорят одно и то же — это не одно и то же». Маркс был *революционером* до конца ногтей. Ваши «активные выступления» имеют *бунтарский* характер. В лучшем случае они могут привести вас к одному из тех громких поражений, которыми так богата история *французского* бланкизма. Что выигрывает революция от таких «выступлений»? Ровно ничего! А теряет она очень много, потому что они до последней степени затрудняют ее победу.

Маркс говорил: «Критика посредством оружия не может быть заменена оружием критики». Вам нравится эта мысль нашего учителя и, когда вы одобряете ее, вам кажется, что вы — марксисты. Но и это — иллюзия, оптический обман, не более того. «Когда двое говорят одно и то же — это не одно и то же». Маркс говорил: «Критика посредством оружия не может быть заменена оружием критики, материальная сила должна быть свергнута материальной силой, но теория тоже делается материальной силой, когда увлекает за собой массу». Вы же, — когда вы заговариваете о «критике посредством оружия», — вы забываете о той *массе*, которая должна быть вовлечена в самостоятельное политическое действие; а ваша

теория сводится к теории «технической подготовки». Вы и тут остаетесь верными духу бланкизма. Ваши рассуждения о «критике оружием» являются не чем иным, как простым перенесением в область тактических рассуждений той дюрингианской теории насилия, которую так едко осмеивал когда-то Фридрих Энгельс. Как у Дюринга вся политическая история объясняется появлением на сцене «человека со шпагой», так у вас все политические задачи, которые ставит перед нами история, разрешаются появлением «человека с техникой». Нечего сказать, хорошие марксисты!

Считаю нужным повторить здесь то, что я сказал уже в предыдущем письме. Я вовсе не утверждаю, что вы *всегда* игнорируете массу: бланкисты вообще никогда не игнорировали ее. Я только утверждаю, что те приемы, которые вы по печальному недоразумению считаете революционными, не оставляют места для самостоятельности массы, а без самостоятельности массы нет и революции. Вы *взываете* к массе; но *действуете* вы так, что все шансы успеха приурочиваются вами к подпольной работе людей с «техникой». И этим самым шансы успеха доводятся вами до крайне смешного минимума. Несоответствие средств цели — отличительная черта утопического социализма.

В то время, когда я пишу эти строки, со всех сторон приходят известия о волнениях в России. Эти известия заставляют думать, что у нас возможен новый революционный взрыв в самом близком будущем. И хотя удачный исход такого взрыва был бы несравненно более вероятен, если бы он произошел не теперь, а при более благоприятных обстоятельствах будущего времени, но я не скажу, что победа теперь абсолютно невозможна. Как знать! Может быть, народ и победит, несмотря на свою еще полную неподготовленность к решительной битве. Но я наверное знаю, что если маловероятная теперь победа все-таки склонится на его сторону, то это произойдет не благодаря вашей бланкистской тактике, а вопреки ей. Эта тактика не усиливает революционного движения; она страшно ослабляет его.

Выше я сказал, что со времени второго съезда вы пережили огромный и удивительный переворот. Но удивительные явления совершаются, конечно, тоже не без причины. Где же лежит причина того, что вы покинули почву марксизма?

Она лежит в вашем непонимании этой теории, революционной по преимуществу.

Вы всегда понимали ее до крайности односторонне; вы всегда рассуждали по метафизической формуле: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Даламбер⁴ собирался когда-то написать *антифизику*, т. е. ряд таких положений, которые стояли бы в полном противоречии с законами физики. Знаменитый энциклопедист утверждал, что это очень легко можно сделать с помощью обыкновенной физики: достаточно только придать ее учениям односторонний характер; достаточно только забыть о тех поправках, которые мы в действительности должны на каждом шагу вносить в них. То, о чем Даламбер мечтал в шутку, вы делаете с невозмутимейшей серьезностью, с непоколебимейшим убеждением в том, что вы произносите последнее слово революционной мудрости. Только вы применяете карикатурный метод Даламбера не к физике, а к учению о человеческом обществе. Как Даламбер собирался написать *антифизику*, опираясь на общепризнанные положения *физики*, так вы сочинили *антимарксизм*, опираясь на общепризнанные *положения Маркса*.

Хуже, одностороннее всего понято были вами учение о непримиримой противоположности интересов буржуазии и пролетариат. Ваша нынешняя антимарксистская тактика целиком основана на одностороннем понимании этого учения.

Впрочем, тут грешны не вы одни. Этим грехом раньше вас грешили наши «экономисты», а раньше «экономистов» — *народники и субъективисты*.

Один из самых ярких и видных представителей нашей субъективной школы, покойный Н. Михайловский⁵, писал когда-то:

«В обществе, имеющем пирамидальное устройство, всевозможные улучшения, если они направлены не непосредственно ко благу трудящихся классов, а ко благу целого, ведут исключительно к усилению верхних слоев пирамиды. Закон этот до такой степени прост, в жизни его действие выражается в той или другой форме так часто, о различных частных его проявлениях говорено было так много, что мы действительно имеем право представить его читателю в качестве итога его собственных наблюдений и размышлений»*.

Н. Михайловский был так убежден в правильности указанного им «закона», что, не колеблясь, назвал его «одним из самых

* Сочинения Михайловского, изд. 2-е, том II, стр. 259, 118.

важных и общих социологических законов». И, разумеется, с ним вполне соглашались тут все наши субъективисты и народники. Опираясь на этот «важный и общий закон», вся эта почтенная братия ополчилась, как известно, против капитализма, развитие которого в России должно было, по прямому смыслу ее «анти-физики», принести большой и непоправимый вред «трудящимся классам», потому что вело «исключительно к усилению верхних слоев пирамиды». Много чернил было пролито этими добрыми людьми по поводу этого «исключительно».

Нам удалось их опровергнуть. Как? Путем обнаружения того, что слово «исключительно» здесь поставлено совсем некстати. Вокруг представлений, связывавшихся с этим словом, велись в сущности всеми нами ожесточенные споры с этими нашими противниками.

«Один из самых важных и общих социологических законов» представляет собою не что иное, как дурно, — т. е. отвлеченно, односторонне, — понятое учение о враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата.

Интересы пролетариата противоположны интересам буржуазии в том смысле, что так как доход буржуазии черпается из готового продукта, создаваемого трудом рабочего класса, то чем больше получают буржуа, тем меньше останется рабочим, и наоборот. Это ясно, как божий день, и неоспоримо, как дважды два — четыре. Но отсюда вовсе не следует, что рабочему все равно, при каких социально-политических условиях создает он тот продукт, который подлежит разделу между ним и буржуазией. Условия эти могут быть более или менее благоприятны для него. Маркс писал когда-то, что немецкий рабочий класс страдает не только от развития капитализма, но и от недостатка этого развития. Это значило, что немецкому рабочему, благодаря слабости германского капитализма, приходилось трудиться при таких социально-политических условиях, которые в значительной степени еще носили на себе печать старого, докапиталистического порядка. Устранение этих условий было не только не вредно для немецкого пролетариата, но очень полезно, прямо необходимо для него, несмотря на то, что оно настолько же было необходимо для буржуазии и в несравненно большей степени было полезно для нее. Вот этого-то и не понимали наши народники и субъективисты, а когда мы, по свойственному нам христианскому человеколюбию,

пытались объяснить им это, они величали нас апологетами буржуазии. Отсюда и пошел весь спор.

Спор этот кончился не в пользу наших тогдашних противников. «Один из самых важных и общих социологических законов» был признан простым промахом незрелой мысли. Мы торжествовали победу и до сих пор со справедливой гордостью вспоминаем о ней. Но «закон» покойного субъективного социолога отомстил за себя, наделав путаницу в головах наших «экономистов».

В этих новых головах он принял, правда, новый вид. С *экономической* стороны дело его было окончательно проиграно; «экономисты» ни на минуту не сомневались в том, что восставать против развития капитализма значит уподобляться испанскому рыцарю, воспетому Сервантесом. По части *экономики* «экономисты», — не отличавшиеся, впрочем, большим количеством сведений в этой науке, — придерживались Маркса. Но когда заходила речь о *политике*, то тут начиналось нечто неудобосказуемое. Не то, чтобы «экономисты» признавали политическую свободу вредной для развития рабочего класса на том основании, что она ведет «исключительно к усилению верхних слоев пирамиды». Нет, они просто путались в определении связи политических явлений с экономическими. А главное — отношение пролетариата к буржуазии, характеризующееся непримиримой противоположностью интересов этих двух классов, представлялось им в таком виде, как будто оно, это отношение, существовало у нас вне конкретных условий места и времени. Поэтому-то «экономисты» и забывали о том, что *экономическая* борьба, с самых первых своих шагов, должна необходимо переходить у нас в *политическую*.

Поэтому-то они забывали также и о том, что устранение социальных и политических пережитков нашего старого крепостнического строя выгодно и пролетариату, и буржуазии. А когда мы напоминали им об этом, они обвиняли нас «в намерении покинуть точку зрения классово́й борьбы и содействовать сближению пролетариата с буржуазией» *. Против этой ошибки «экономистов» нам и пришлось, главным образом, спорить в нашей полемике с ними.

* См. об этом в моей статье «Еще раз социализм и политическая борьба», напечатанной первоначально в первой книжке «Зари», вошедшей затем в сборник «На два фронта», а потом перепечатанной вместе с брошюрой «Социализм и политическая борьба». [Сочинения, т. XII.]

Как часто бывает в таких случаях, одна ошибка вызвала другую, ей противоположную. Некоторые из наших более молодых и менее установившихся в марксизме товарищей, — как, например, Ленин, — перешли в своих нападках на «экономистов» за ту черту, которая отделяет истину от заблуждения, и стали доказывать, что наша партия должна действовать *во всех классах общества*. Казалось бы, что остается только устранить эту новую ошибку, чтобы стать, наконец, на совершенно правильную точку зрения. Вышло не так. Ленин и его нынешние единомышленники не имеют теперь уже ни малейшего желания действовать *во всех классах общества*; но зато тем энергичнее выставляют они теперь против нас, оставшихся на точке зрения «старой» «Искры» и «Зари», тот самый упрек, который выставляли когда-то против нас, — а следовательно, и против них, бывших тогда нашими союзниками, — «экономисты»: упрек в том, что мы покидаем точку зрения классовой борьбы и содействуем сближению пролетариата с буржуазией. Это было бы смешно, если бы не было грустно, и я готов был бы вместе с Пушкиным воскликнуть: «В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам», если бы для меня не было ясно, что бес, кружащий по сторонам тов. Ленина, есть простая методологическая ошибка, та самая ошибка, которая раньше сбילה с толку «экономистов», а еще раньше привела Михайловского к неудачному формулированию «одного важных и самых общих социологических законов». Если Ленин гремит теперь против меня, обвиняя меня в оппортунизме; если он, опираясь на «физику», пишет свою тактическую «антифизику»; если он, ссылаясь на Маркса, возвращает нас к Бланки⁶ и во имя социал-демократии воскрешает народовольство, то все это происходит с ним единственно потому, что он плохо, — т. е. односторонне, отвлеченно, — понимает истину, гласящую, что интересы пролетариата противоположны интересам буржуазии. Он думает, что раз экономические интересы пролетариата противоположны экономическим интересам буржуазии, то политические интересы этих двух классов не могут иметь ничего общего между собою даже в том случае, когда им обоим приходится выступать против пережитков добуржуазного общества. И на этой ошибке основана вся его будто бы революционная тактика.

Французские бланкисты писали, выступая из руководимого Марксом Интернационала, тактика которого казалась им антиреволюционной: «Наша сила в нашем изолировании». И я сказал бы, что

эта краткая формула заключает в себе всю тактическую мудрость нынешних наших бланкистов, если бы эти последние не делали исключения для «трудового» крестьянства. Но это исключение не избавляет их от односторонности, не спасает их от ошибки. Оно вообще принадлежит к числу тех исключений, которые только подтверждают собою правило.

«Трудовое» крестьянство издавна было тем китом, на котором держались утопические упования русских бланкистов. Достаточно напомнить Ткачева и Тихомирова⁷ (разумеется, я имею в виду Тихомирова «первой манеры»). Чем больше идеализировали бланкисты «трудовое» крестьянство, тем крепче держались они за свою заговорщицкую тактику. И чем больше приближается к станции «Бланкизм» поезд, уносящий Ленина от станции «Марксизм», тем чаще этот, если можно так выразиться, теоретик начинает говорить о крестьянстве языком социалистов-революционеров. В этом отношении весьма поучительна его брошюра о пересмотре аграрной программы нашей партии. Это очень, очень плохой знак!

Парень был Ванюха ражий,
Ловкий человек!
Не поддайся силе вражьей —
Жил бы долгий век...⁸

Для нас, марксистов, трудовой крестьянин, — каким является он в современной товарно-капиталистической обстановке, — представляет собою не более, как одну из разновидностей мелкого независимого товаропроизводителя, а мелкие независимые товаропроизводители не без основания относятся нами к числу мелких буржуа.

Поэтому если Ленин идеализирует теперь трудового крестьянина, то он грешит тем самым грехом, в котором он облыжно нас обвиняет: *идеализацией буржуазии*. Правда, буржуазия, которую он идеализирует, есть *мелкая буржуазия*, но это оправдание заставляет меня вспомнить ту девушку, о которой Маркс говорил в первом томе своего «Капитала» и которая, родив ребенка, оправдывалась тем, что этот ребенок был очень мал. Буржуазия есть буржуазия, подобно тому, как ребенок есть ребенок. И если уж Ленин более или менее неправильным путем пришел к той мысли, что при известных исторических условиях пролетариат может иметь

политические интересы, общие с мелкой буржуазией, то ему следовало бы спокойнее относиться к мысли тех, которые говорят, что при нынешней нашей политической обстановке противоположность экономических интересов буржуазии и пролетариата не мешает этим двум классам иметь отчасти общие политические интересы.

Так как наши бланкисты выдвигают теперь против нас тот самый упрек, который выдвигали некогда против нас с ними «экономисты», то естественно, что в споре с бланкистами я вынужден повторять те доводы, которые некогда противопоставлялись мною доводам «экономистов».

«Русский социал-демократ обязан выяснить рабочему не только ту враждебную противоположность, которая разделяет его интересы от интересов предпринимателей, но также и ту, которая существует между его интересами, с одной стороны, и интересами самодержавия — с другой. Но интересы самодержавия враждебны интересам не одних только рабочих. Поэтому и в борьбе с самодержавием заинтересованы не одни только рабочие. Русская социал-демократия сделала бы непростительную ошибку, если бы она упустила из виду это важное обстоятельство и не сумела бы воспользоваться им в интересах освободительного движения пролетариата. Она не может игнорировать те слои русского населения, в которых живет дух оппозиции... Мы не только не имеем права игнорировать существующие в его среде (т. е. в среде «общества») оппозиционные течения, но обязаны старательно и постоянно выставлять на вид сторонникам этих течений те наши политические стремления, которые делают из нас *самых решительных и самых непримиримых врагов абсолютизма*. Нам нечего бояться сближения с оппозиционными слоями нашего общества; надо позаботиться только о том, *чтобы они не подчиняли нас своему влиянию и руководству*.

Нашим товарищам-бланкистам кажется, что мы подчинимся руководству и влиянию буржуазии тотчас же, как только признаем, что у нас есть политические интересы, отчасти общие с ее политическими интересами. Но это опять «антифизика», лишняя раз показывающая, как плохо поняли они противоположность интересов буржуазии и пролетариата. Ничто, кроме разве слабости нашей собственной логической мысли, не заставляет нас попадать из одной крайности в другую. Можно *идти врозь*, принимая в то же время все необходимые меры к тому, чтобы *вместе бить*.

Но для этого нужно нечто гораздо более серьезное, чем те бестактные выходы, с помощью которых «противопоставляют себя буржуазии» наши товарищи-бланкисты.

Что же именно? Это очень серьезный вопрос. О нем в следующем письме.

Открытое письмо к петроградским рабочим

Товарищи! Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А. Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Скажу вам прямо: меня эти события огорчают. Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души.

В течение последних месяцев некоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть ли не контрреволюционером. Во всяком случае, они охотно распространялись на ту тему, что я готов перейти или уже перешел на сторону буржуазии. Но эти агитаторы и публицисты, — по крайней мере, те между ними, которые не страдали неизлечимым простодушием, — конечно, сами не верили тому, что распространялось ими на мой счет. Да и нельзя было этому верить. Кому известна была история моей политической деятельности, тот знает, что уже с начала восьмидесятых годов прошлого столетия, — со времени основания группы «Освобождение труда», — в ее основе лежала одна политическая мысль: мысль об историческом призвании пролетариата вообще и русского пролетариата в частности. «Революционное движение в России восторжествует как движение рабочего класса или совсем не восторжествует», — сказал я в речи о русском положении, произнесенной мною на Парижском Международном социалистическом съезде 1889 г., — этом первом съезде 2-го Интернационала¹.

Эти мои слова недоверчиво встречены были огромным большинством участников съезда. Россия представлялась им такой